

Литературныя Замѣтки.

(«ТОНКІИ И ЧУТКІИ Г-НЪ ВОРОНСКІИ»)

I.

Долженъ покаяться — взятыя въ ковычки опредѣленія приписаны г-ну Воронскому никѣмъ инымъ какъ мною. Правда, въ моей статьѣ сказано не просто тонкій и чуткій, а «гораздо болѣе тонкій и чуткій чѣмъ... тугухій А. Лежневъ и Напостовцы, которые очевидно не идеологи и не критики, а чекисты отъ литературы», но какъ никакъ все таки сказано «тонкій и чуткій г-нъ Воронскій».

Очевидно этотъ весьма двусмысленный комплиментъ эмигрантскаго писателя показался г-ну Воронскому все же позорящимъ его коммунистическое геномъ, и онъ послѣшилъ въ своей статьѣ «Совѣтская литература и бѣлая эмиграція», посвященной моимъ «Мыслямъ о Россіи», самымъ убѣдительнымъ образомъ продемонстрировать свою полную неповинность въ столь буржуазныхъ качествахъ, какъ «тонкость и чуткость».

Отвѣчать ему, ввиду такого положенія вещей-дѣло излишнее и явно бессмысленное, но совсѣмъ обойти молчаніемъ его грубыя искаженія моихъ мыслей — тоже нельзя: вѣдь дѣло не столько въ критикѣ Воронскомъ, но и въ тѣхъ авторахъ, которыхъ я будто-бы «облыжно оговорилъ» и которыхъ совѣтскій главкритикъ беретъ подъ свое высокое покровительство.

Никакихъ гарантій что мои слова дойдутъ до Россіи, — конечно, нѣтъ и быть не можетъ, но надежда все же не покидаетъ моего сердца: въ свою бытность въ совѣтской Россіи я вѣдь и самъ читалъ разные эмигрантскіе «Записки», «Рули» и «Новости». Многое мнѣ тогда же казалось въ этихъ писаніяхъ по эмигрантски должнымъ, по эмигрантски смѣшнымъ, но зато и все сплошь

значительнымъ, ибо дѣйствительно значительнымъ можетъ быть только свободное, и въ своей свободѣ до конца отвѣтственное передъ читателемъ слово.

Увѣренъ, что то, что тогда влекло меня, и, конечно, не только меня, къ зарубежной прессѣ, и сейчасъ тайно влечетъ къ ней всѣхъ живущихъ и творящихъ въ Россіи. И сколько бы г-нъ Воронскій меня ни убѣждалъ, что «со-вѣтскіе писатели меньше всего думаютъ объ осколкахъ и огрызкахъ выброшенныхъ за границу», я ему, конечно, не повѣрю, потому что не имѣю ни малѣйшаго основанія считать, что всѣ оставшіеся въ Россіи люди пали ниже того нравственнаго уровня, за невольное (отнюдь не героическое) обнаруженіе котораго я былъ въ свое время высланъ изъ нея.

II

Г-нъ Воронскій начинаетъ свою статью съ указанія на то, что «еще недавно зарубежники утверждали, что никакой совѣтской литературы нѣтъ», но что послѣ того, какъ она обнаружилась «наибодѣе дальновидные изъ бѣлаго стана (между прочимъ Степунъ) стараются по своему осмыслить происшествіе». Мнѣ очень важно еще разъ напомнить г-ну Воронскому (этотъ вопросъ я уже затрагивалъ въ «Мысляхъ») что дѣло, поскольку оно касается лично меня, обстоитъ не только иначе, но прямо таки наоборотъ. Не задолго до своей высылки я упорно боролся, и съ Мещеряковымъ и съ Лебедевымъ-Полянскимъ, за разрѣшеніе къ печати перваго разсказа Леонова («Бурыга»), небольшого отрывка Пастернака («Письмо изъ Тулы»), какого-то разсказа Лидина (заглавія не помню), разсказа Никитина («Коль»), Андрея Глобы (Метель) и еще одной повѣсти, кажется Яковлева. Я тогда же утверждалъ, что это новая, цѣнная, революціонная литература, — совѣтскіе же цензуря утверждали наоборотъ, что это контрреволюціонная публицистика, и уступивъ мнѣ фантастику Леонова и лирику Пастернака — Никитина, Глобу, Лидина и Яковлева — не пропустили.

Исторіи борьбы изд. «Шиповникъ» съ коммунистической цензурой Воронскій можетъ, конечно, и не знать (дѣло хотя и показательное, но пустяковое), но не знать того, что совѣтская власть отнюдь не сразу и не съ легкимъ сердцемъ «приняла» ту безпартійную литературу, которую

она сейчасъ защищаетъ отъ нападокъ «дальнозоркихъ» зарубѣжниковъ, — онъ не знаетъ не можетъ.

Какъ ни трудно принимать мнѣ похвалы изъ устъ г-на Воронскаго, но опредѣленія себя какъ одного изъ наиболѣе дальнозоркихъ я не могу отклонить, ибо я, дѣйствительно, увидѣлъ и оцѣнилъ новую совѣтскую литературу задолго до тѣхъ поръ, какъ ее признали коммунистическіе цензора и идеологи.

Но я не только уже въ 22-мъ году призналъ значеніе совѣтской литературы (литературы такъ называемыхъ полутчиковъ), но тогда же уже вкратцѣ написалъ и все то, что такъ разсердило г-на Воронскаго въ моихъ послѣднихъ «Мысляхъ».

Въ своей статьѣ «Трагедія и современность», напечатанной все въ томъ же, вышедшемъ въ Москвѣ въ 1922 г. «Шиповникѣ», я писалъ, что въ революціи есть стихія трагическаго безумія, отъ которой пойдетъ все живое и значительное въ новомъ, пореволюціонномъ искусствѣ, и стихія благополучнаго коммунистическаго разума, которая неизбежно упрется въ тупикъ «пролеткультизины», т. е. въ «мертволицу революціоннаго факта» и убогую партійно-марксистскую пропись.

Что мои слова блестяще оправдались подтверждаетъ и самъ Воронскій. Соглашаясь въ своемъ отвѣтѣ мнѣ, что «товарищи пролеткультизики путаются въ поверхностномъ бытовизмѣ... слишкомъ увлекаются злободневнымъ, газетнымъ, упираются въ описаніе батальныхъ картинъ, не умѣютъ освободиться отъ трафарета и подражательности» и страдаютъ въ своемъ противопоставленіи пролетарской культуры прежнимъ завоеваніямъ человѣческаго ума и рукъ «лѣвымъ ребячествомъ», онъ отрицаетъ въ сущности пролеткультизину ничуть не менѣе энергично, чѣмъ я. И никакія жалобныя слова о томъ, что пролеткультизнику «трудно овладѣть культурой слова», что ему «холодно живется», что его гнететъ «наше головотяпство и казенщина», равно какъ и умиленіе передъ количествомъ присылаемыхъ въ редакцію рукописей и количествомъ людей, которое «мучается и мятется сейчасъ словомъ», рѣшительно ничего спасти не могутъ. Не можетъ опровергнуть моего утвержденія о «несомнѣнномъ провалѣ пролеткультизины» и самовольное разъясненіе г-на Воронскаго, будто бы я думаю, что пролеткультизина провалилась на томъ основаніи, что про-

леткультовцы стояли на коммунистической точкѣ зрѣнія. Ничего подобнаго я нигдѣ не говорю. О томъ, что художественное творчество сочетается съ любимъ, а въ томъ числѣ, конечно, и коммунистическимъ, лишь бы искренне, глубоко и, главное, лично усвоеннымъ міросозерцаніемъ, спора быть не можетъ ; и пролеткультизмъ провалился, конечно, не потому, что пролеткультисты стояли на коммунистической точкѣ зрѣнія, а по той причинѣ, что не имѣя за душой никакихъ своихъ лично выношенныхъ точекъ зрѣнія, они всѣ вмѣстѣ по шаблону и по приказу свыше подкрашивали свои безцвѣтные, художественныя изліянія идеологическими эссенціями партійнаго разлива и образца. То, что изъ среды пролеткультистовъ вышло нѣсколько способныхъ поэтовъ, какъ напримѣръ Казинъ, я не отрицаю. Но это мое согласіе съ Воронскимъ никакъ не снимаетъ моего утвержденія, что пролеткультизмъ въ цѣломъ, какъ правительственная попытка организациі пролетарской культуры, « безспорно и окончательно провалилась ».

III.

Вяло и невразумительно защищая пролеткультизмъ, г. Воронскій очень горячо и красочно заступаетъ за отодвинутую мною всторону, какъ вообще не подлежащую никакому литературно - критическому разсмотрѣнію, « агитмакулатуру ».

Въ качествѣ наиболѣе убѣдительнаго аргумента въ пользу художественной цѣнности совѣтской литературы онъ напоминаетъ намъ, авторамъ «Записокъ», «Рулей» и «Новостей», тѣ «кровавые рубцы, кровоподтеки и раны», которые нанесла совѣтская макулатура зарубежникамъ. « Революція » де « прекрасная мясорубка » !.

Послѣ такихъ « умныхъ » словъ въ защиту агитмакулатуры г-нъ Воронскій развиваетъ кое-какія весьма, правда, — банальныя, но въ общемъ правильныя мысли о тѣхъ условіяхъ, при которыхъ плакать можетъ быть художественъ и соціально полезенъ, но послѣ яркихъ, вступительныхъ словъ эти его приличныя правильности насъ уже мало интересуютъ.

Неужели же г-нъ Воронскій не понимаетъ, въ какое безконечно трудное положеніе онъ ставитъ своихъ подзащитныхъ, вводя въ литературный

споръ аргументацію отъ рубца и нагайки? Или онъ уже такъ увѣренъ, что Р. К. П. окончательно удалось убить во всѣхъ пролеткультовцахъ всякую даже самую элементарную порядочность?

Я глубоко и страстно убѣжденъ, что это не такъ. Но если бы моя увѣренность была только самоувѣренностью, то Воронскому тутъ радоваться все-же нечего. Вѣдь онъ работаетъ не въ Г. П. У. а какъ никакъ въ литературѣ, т. е. въ такой сферѣ совѣтскаго строительства, гдѣ совѣсть не роскошь, а хлѣбъ насущный, т. е. не больше, не меньше какъ орудіе производства.

Самое элементарное чувство самосохраненія должно было бы потому подсказать г-ну Воронскому, что прибѣгать къ такимъ приемамъ полемики, какъ дѣлаетъ онъ, такъ же невыгодно, какъ не выгодно плотнику сознательно тупить свой инструментъ.

Есть сферы человѣческой дѣятельности, къ которымъ принадлежитъ и сфера служенія, словомъ и слову, въ которыхъ успѣхъ и честность неразрывно связаны между собою. А потому критику и публицисту Воронскому необходимо или усвоить себѣ литературные навыки разстрѣленной въ Г. П. У. старо-интеллигентской совѣсти, или уже перефигурить родъ службы.

Наносить кровавыя раны на военно-революціонномъ фронтѣ можетъ быть дѣломъ трагически-неизбѣжнымъ, но смаковать эти рубцы заднимъ числомъ въ редакціяхъ литературныхъ органовъ, не только пошло, но и постыдно.

IV.

Если бы я дѣйствительно думалъ, какъ мнѣ приписываетъ г-нъ Воронскій, что кругъ безпартийныхъ писателей: Бабель, Леоновъ, Пильнякъ, Никитинъ, Всев. Ивановъ и т. д., ведетъ «смертный бой съ коммунистами», то я этого по весьма понятнымъ причинамъ пока что нигдѣ и ни за что не напечаталъ бы. То же, что мною напечатано въ «Мысляхъ», лишь весьма отдаленно похоже на то, что мнѣ приписываетъ г-нъ Воронскій.

Моя рѣчь вовсе не о томъ, что попутчики ведутъ «смертный бой» съ коммунистами, но лишь о томъ, что ихъ искусство, и то только постольку, поскольку оно талантливо, правдиво, искренне и

точно «неустанно твердить о томъ, что между Россіей и большевистскимъ коммунизмомъ идетъ смертный бой : что всѣ коммунистическіе смыслы жизни превращаются русскою жизнью въ бессмыслицы, что всѣ ея бессмыслицы тяжелы непереносимою правдою страданія ; и всѣ ея смыслы легкокрылы и легкомысленны ; что всѣ коммунистическія программы сошли въ Россіи съ ума и что ихъ безуміе такъ же значительно, какъ бездаренъ ихъ разумъ».

Очень можетъ быть, и не мнѣ спорить по этому щекотливому вопросу съ г. Воронскимъ, что «всѣ названные писатели не мыслятъ строительства новой Россіи безъ руководства коммунистовъ» и что они считаютъ, что «эмиграція разбита не только физически, но и морально, что она внутренне опустошена, продажна и готова торговать Россіей оптомъ и въ розницу». Пусть такъ : моего утвержденія эти компетентныя разсужденія г. Воронскаго, которому, по его словамъ «хорошо извѣстна шуйца и десница совѣтскихъ писателей», отнюдь не снимаютъ. Вѣдь и Левъ Толстой отрицалъ войну и похоть, въ то время, какъ его искусство славило и смерть и страсть. Расхожденіе авторскаго сознанія съ творческой безсознательностью — явленіе весьма распространенное, и я охотно вѣрю г-ну Воронскому, что политическое сознаніе безпартійныхъ писателей очень значительно отстаётъ отъ ихъ художественной интуиціи.

И заранѣе согласенъ признать, что всѣ они хорошо знаютъ политграмоту и отвѣчаютъ по интересующему г-на Воронскаго вопросу на пять съ плюсомъ. Но что же это доказываетъ кромѣ того, что въ совѣтской беллетристикѣ, какъ я уже писалъ, не только «очень много вещей тенденціозно отдѣланныхъ подъ орѣхъ коммунизма», но что зачастую «внѣшняя тенденціозность встрѣчается и въ весьма талантливыхъ, по существу подлинно художественныхъ вещахъ».

И это опять такъ до конца понятно ; я сказалъ бы даже простительно. «Не солжешь — не продашь», — этотъ госиздатный лозунгъ кого хочешь сломить. А ложь въ искусствѣ — вещь страшная. Разъ солжешь за страхъ, два за страхъ, а потомъ начнешь лгать и за совѣсть. Самому станеть быть можетъ даже и хорошо въ жизни : и почетъ, и читатель, и деньги. Ну а твоему таланту въ тебѣ — очень скоро душно и тѣсно. Увѣренъ, что лучшіе

совѣтскіе писатели часто думаютъ наединѣ съ собою на эту непонятную г-ну Воронскому тему. Совѣтская критика въ этихъ раздумьяхъ имъ не помощница. Помощь можетъ прійти только со стороны духовно свободной и — политически независимой, лицомъ къ Россіи повернутой зарубежной Россіи. И оказывать совѣтскимъ писателямъ эту посильную помощь нашъ прямой долгъ, хотя бы нѣкоторые изъ нихъ по неразумѣнію своему и считали бы эту нашу заботу предательствомъ и помѣхой.

V.

Мое основное утверждение, что все живое и существенное въ совѣтской литературѣ связано не съ положительнымъ совѣтскимъ строительствомъ, не съ идеологіей коммунизма, а съ трагическимъ и стихійнымъ безуміемъ революціи, вызвало (это очень странно, но и очень показательно) наиболѣе слабый протестъ со стороны Воронскаго.

Думаю, что не будетъ даже натяжкой сказать, что оно вообще не встрѣтило никакого настоящаго протеста, что г. Воронскій въ этомъ пунктѣ, несмотря на всякія неизбѣжныя для него оговорочки, въ глубинѣ души даже согласенъ со мною.

Самъ жалуется онъ, что совѣтскіе писатели «изображая коммунистовъ допускаютъ непростительные оплошности и промахи», что при всемъ «почтительномъ отношеніи къ кожанымъ курткамъ» они «цементирующую, дисциплинирующую роль этихъ людей изображаютъ внѣшне, не замѣчая внутренней связи ихъ со всей революціонной стихіей, что они «случается впадаютъ въ отвлеченный революціонизмъ, въ бунтарство ради бунтарства, наивно полагая, что идутъ дальше коммунистовъ», что «стихійнымъ писателямъ кажется, что настали скучные, сѣрые, маленькіе, чеховскіе будни», что «стихійность заслоняетъ передъ ними гигантскую строительную и культурную работу».

Все это совершенно вѣрно. Не видятъ и не изображаютъ совѣтскіе писатели «гигантскаго строительства». Скучаютъ, все больше скучаютъ они въ нѣповской тюрьмѣ. Одинъ за другимъ (объ этомъ пишетъ и самъ г. Воронскій) дѣлаютъ они странныя признанія. То Пильнякъ

вздохнеть о «самомъ прекрасномъ 20-мъ годѣ», то Асѣ-
евъ уныло обмолвится

«Какъ я стану твоимъ поэтомъ,
Коммунизма племя,
Если крашено рыжимъ цвѣтомъ,
А не краснымъ время...»,

то Есенинъ вслѣдъ за яркой картиной :

«Съ горы идетъ крестьянскій комсомоль
И подъ гармонику наяривая рьяно
Поютъ агитки Бѣднаго Демьяна,
Веселымъ крикомъ оглашая доль...»

съ грустью признается : —

«Вотъ такъ страна !
Какого жъ я рожна
Оралъ въ стихахъ, что я съ народомъ друженъ ?
Моя поэзія здѣсь больше не нужна.
Да и пожалуй самъ я тоже здѣсь не
нуженъ!».

Г-нъ Воронскій думаетъ, что всѣ эти получеховскія, полубунтарскія настроенія объясняются «неяснымъ отношеніемъ (совѣтскихъ писателей) къ коммунистическому идеалу, что достаточно было-бы товарищамъ беллетристамъ какъ слѣдуетъ засѣсть за зубрежку полного собранія сочиненій Ленина, чтобы сразу же слышать бодрые шаги надвигающейся на С.С.С.Р. новой, гигантской жизни».

Я понимаю, что г-ну Воронскому надо чѣмъ нибудь объяснять идеологическое неблагополучіе пасомыхъ имъ совѣтскихъ писателей и что для него, какъ для марксиста, которому все ясно, трудно объяснить это явленіе чѣмъ либо инымъ, кромѣ какъ неяснымъ отношеніемъ совѣтскихъ писателей къ коммунизму.

Но развѣ ужъ дѣйствительно такъ неясно это отношеніе ? Развѣ не ясно, что отнюдь не отрицая коммунизма идейно (по безразличію къ идеямъ) и зачастую житейски пріемля его (по человѣческой нашей слабости, представляющей оборотную сторону того же безразличія), они имъ, какъ художники, (а въ этомъ только и весь вопросъ) не живутъ и своимъ творчествомъ ему не служатъ.

Г-на Воронскаго такое отношеніе должно конечно удивлять, но для болѣе искушеннаго въ вопросахъ творчества, болѣе глубокаго взгляда ясно, что это не только такъ есть, но иначе и быть не можетъ.

Всякое живое творчество всегда, сознательно или бессознательно, исповѣдуетъ нѣкую идею, живетъ ею, служитъ ей. Всякая идея, большая или малая безразлично, — всегда положительная, духовная реальность, свѣше черезъ любовь связующая насъ съ собою. Можно, конечно, говорить, какъ это дѣлаетъ г-нъ Воронскій, а часто дѣлаемъ и мы — антикоммунисты, о коммунистическомъ идеалѣ, — но такое словоупотребленіе по существу неточно и невѣрно. Коммунистическаго идеала, строго говоря, быть не можетъ ибо коммунизмъ не идея, а, какъ я писалъ въ «Мысляхъ», «выдумка о будущемъ»; не положительная духовная реальность, а отрицаніе реальности духа.

Что это такъ, доказываетъ не только то, что коммунизмъ осознаетъ себя въ духоненавистнической философіи вульгаризованнаго Ленинымъ марксизма, но и то (можетъ быть прежде всего то), что онъ связуетъ своихъ приверженцевъ другъ съ другомъ не прямо и непосредственно черезъ любовь къ новой жизни, а отрицательно, черезъ актъ обязательной ненависти къ старой. Не будь въ коммунизмѣ этой ненависти, онъ остался бы въ Россіи гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ. Только черезъ свою ненависть къ старой Россіи связанъ онъ съ новой; и только благодаря тому, что старая Россія, несмотря на всѣ свои грѣхи и паденія, была все-же подлинною духовною реальностью, свѣтила отраженнымъ свѣтомъ идейности и большевицкая революція противъ нея.

Это значить, что духовно реальна была въ революціи только расплата Россіи за свои грѣхи, или расплата русскихъ людей за свои грѣхи передъ Россіей.

Совѣтское искусство, т. е. все то, что отъ духа искусства въ писаніяхъ совѣтскихъ художниковъ, прекрасно чувствуетъ и понимаетъ это и потому инстинктивно тянется, и все болѣе будетъ тянуться, къ той единственно большой темѣ, которая сейчасъ ждетъ своего писателя, къ темѣ революціоннаго хаоса: безумія, страданія и смерти и тѣмъ самымъ, конечно, и къ темѣ рожденія изъ

всего этого испытанія новаго духовнаго челоука, новой духовной Россіи. Сколько бы г-нъ Воронскій потому ни требоваль отъ совѣтскихъ писателей воспѣванія «гигантскаго, положительнаго, коммунистическаго строительства», совѣтское искусство этого дѣлать не станетъ, ибо искусство, въ отличіе отъ отдѣльныхъ художниковъ, такъ же неспособно на ложь, какъ совѣтскій коммунизмъ на творчество.

Для г-на Воронскаго всѣ эти размышленія одна, конечно, тарабарщина; онъ объясняетъ себѣ кризисъ, переживаемый молодыми совѣтскими писателями, «гораздо проще». По его мнѣнію, все несчастіе только въ томъ, что ужъ «пора писателямъ переводить себя на новыя рельсы» (на рельсы изображенія положительнаго творчества. Ф. С.) а они все еще «не уяснили себѣ коммунистическаго идеала».

Не говоря уже о той невѣроятной простотѣ, съ которою г-нъ Воронскій представляетъ себѣ писателя въ видѣ стрѣлочника, отпускающаго поѣзда своего вдохновенія по приказу сверху: — станція назначенія — «революціонный хаосъ»; станція назначенія — «гигантское строительство», его упрощенное объясненіе несостоятельно и по другой причинѣ.

Для того, чтобы совѣтскіе писатели могли описывать положительное коммунистическое строительство, надо чтобы оно не только бы провозглашалось, но и совершалось. Я отнюдь не отрицаю, что въ Россіи во всѣхъ областяхъ жизни происходятъ сейчасъ весьма положительные процессы, но вѣдь не можетъ же не видѣть г. Воронскій, что это отнюдь не процессы коммунистическаго строительства, но, наоборотъ, процессъ воздержанія коммунистовъ отъ строительства жизни, т. е. процессъ съ коммунистической точки зрѣнія не столько идейный, сколько растительный, не столько революціонный, сколько контръ-революціонный, а потому и не подлежащій изображенію.

Да, даже и оставляя совсѣмъ въ сторонѣ всѣ большіе, метафизическіе вопросы творчества, надо въ концѣ концовъ все-же признать, что совѣтскому писателю очень трудно «переставлять себя на новыя рельсы» такъ какъ въ то время, какъ непримиримая коммунистическая идеология требуетъ отъ искусства этой перестановки, измотавшаяся большевистская революція о т-

катываетъ жизнь на весьма старыя запасныя пути; ну, а искусству какъ ни какъ все же больше по пути съ дѣятелями и дѣйствительностью, чѣмъ съ идеологами и выдумками о ней.

Соблазнять совѣтскихъ писателей предложеніемъ и требованіемъ описывать «гигантское коммунистическое строительство» — значить такимъ образомъ не на жизнь, а на смерть бороться съ живымъ духомъ зарождающагося на территоріи совѣтскаго союза молодого русскаго искусства. Причина растерянности совѣтскихъ писателей передъ темою положительнаго коммунистическаго строительства совѣмъ не въ томъ, что «имъ не доставало да и теперь не достаетъ отрицанія», а наоборотъ въ томъ, что и цензура, и Госиздатъ, и критики требуютъ отъ нихъ такой степени Репетилловскаго отрицанія («все отрицать: — законы, совѣсть, вѣру») на которое искусство по всей своей положительной, нравственной и религіозной природѣ не способно.

Отрицаніемъ можетъ жить всякое обличительное писательство, публицистика, сатира, но искусство можетъ жить только утвержденіемъ, признаніемъ, любовью. Показательный примѣръ этому творчество Эренбурга. На голомъ, зломъ отрицаніи онъ создалъ своего хотя и глубоко неприятнаго, но все же остраго и талантливаго сатирически — публицистическаго «Хуліо — Хуренито», но когда онъ въ «Николаѣ Курбовѣ» попытается на томъ же пафосѣ голаго отрицанія создать положительный типъ идейнаго коммуниста, то выйдетъ манекенъ, у котораго «глаза сталелитейный заводъ», «кровь грохочетъ подъ котлами сердца», для котораго «дама — машина» и который «нѣжно шепчетъ — динамо».

Этотъ случай съ Эренбургомъ не случайно случившійся случай. На многихъ совѣтскихъ вещахъ можно было бы прослѣдить его болѣе или менѣе характерное повтореніе. Пафосомъ положительнаго коммунистическаго строительства испорченъ конецъ «Верен» Сейфулиной, конецъ «Барсуковъ» Леонова, «Приключеніе дамы изъ общества» Шагинянь и т. д.

Но все это конечно не значить, что современные русскіе художники бытописатели не должны изображать въ своихъ писаніяхъ коммунистовъ и коммунистическаго строительства, отнюдь нѣтъ — мимо этой величайшей темы послѣднихъ лѣтъ молодому, да еще чуткому талан-

ту итти сейчас не только нельзя, но, думается, и не должно.

Весь вопрос только въ подходѣ. Чтобы изображеніе нашихъ дней могло бы дѣйствительно загорѣться настоящей жизнью, современному художнику совершенно необходимо хотя бы бессознательно почувствовать, что богоборческая, духоненавистническая, бездушно материалистическая и до конца во всѣхъ отношеніяхъ деструктивная большевистская идеологія, какъ таковая, таитъ въ себѣ и несетъ собою въ жизнь не жизнь, а смерть.

Только изъ глубины двуединого чувства, неизбывной скорби обо всемъ происшедшемъ, но и вѣры въ творческую силу страданія, суда и искупленія, только со дня послѣдняго потрясенія и изумленія передъ тѣмъ, что «мертвому дано рождать бушующее жизнью слово», что и зло творить свое дѣло во славу добра — возможно вѣроятно лишь въ будущемъ то насгоящее, большое искусство, зачатки котораго, какъ я пытался вскрыть, видны уже у современныхъ совѣтскихъ писателей.

Политграмота тутъ рѣшительно не причемъ. И всѣ разсужденія о томъ, что попутчики не могутъ художественно осилить современности, потому что они скорѣе тяготеютъ къ «средняцкому крестьянству чѣмъ къ пролетариату» не только глубоко провинціальны, но, кромѣ того, еще и совершенно бессмысленны.

VI

Что г-нъ Воронскій не согласился со смысломъ моего положительнаго отношенія къ совѣтской литературѣ и поспѣшилъ отмежеваться отъ меня, — дѣло не только объективно понятное, но для меня и весьма пріятное. Гораздо хуже этого рѣзкаго отмежеванія его призрачное какъ будто-бы присоединеніе ко мнѣ по вопросу о значительности и цѣнности эмигрантскаго творчества.

«Плеяда новыхъ писателей, которая неизбѣжно должна появиться въ связи съ той новой волной жизни, что поднялась въ Россіи съ осени 1917 г.; появится, писалъ я въ «Мысляхъ», не въ эмиграціи, а въ Россіи и выкристаллизуется изъ тѣхъ самыхъ переживаній, которыми дышитъ совѣтская литература», остро чувствующая

«вѣсь эпохи» и понимающая, что «произошло нѣчто безконечно большое, неотмѣнимое и безповоротное». На правильности этого своего социологическаго прогноза я безусловно настаиваю, но превращеніе его, какъ то дѣлаетъ г-нъ Воронскій, въ принципъ эстетической оцѣнки отдѣльныхъ художественныхъ произведеній столь же безусловно отрицаю.

Упрекая Бунина въ томъ, что «ему не о чемъ писать», утверждая, что его «Митина любовь» — «безусловный провалъ», такъ какъ она чужда эпохѣ, г-нъ Воронскій либерально замѣчаетъ, что дѣло не въ томъ, что въ «Митиной любви» изображены «времена давно прошедшія» и что «она не имѣетъ отношенія къ революціи», а въ томъ, что романъ Бунина «несозвученъ ни сегодняшнему, ни завтрашнему дню. — и завтрашнему больше чѣмъ сегодняшнему». Но почему бы «Митиной любви» быть уже такъ несозвучной завтрашнему дню, когда все ея звучаніе о вѣчн ой красотѣ природы и о столь же вѣчн ой трагедіи любви? Или совѣтскій критикъ дѣйствительно думаетъ, что коммунистическая революція уничтожитъ въ будущемъ и природу, какъ красоту, и любовь, какъ трагедію. Если таковы его тайныя мысли о гигантскомъ коммунистическомъ строительствѣ, то стоитъ ли ему вообще говорить о несозвучіи завтрашнему дню «Митиной любви». Не проще ли тогда говорить о томъ о несозвучіи завтрашнему дню не только всей большой русской литературы, но и всей литературы вообще? Но вѣдь г-нъ Воронскій не напостовець, не погромщикъ; онъ опредѣленно за трагедію, и противопоставленіе пролетарской культуры «старымъ, прежнимъ завоеваніямъ человѣческаго ума и рукъ» представляется ему «грубой ошибкой и лѣвымъ ребячествомъ». Все это очень вѣрно, просвѣщенно и либерально! Но почему бы тогда не пойти дальше? Почему бы не признать (если и не вслухъ, то хотя бы про себя) «грубой ошибкой» и «лѣвымъ ребячествомъ» и собственное утвержденіе объ обязательной несозвучности «Митиной любви» завтрашнему дню. Искренно желая быть справедливымъ къ своему оппоненту, я не безъ робости высказываю предположеніе, что онъ лишь потому увѣренъ въ несозвучности «Митиной любви» завтрашнему дню, что не замѣтилъ вѣчнаго трагическаго содержанія этой замѣчательной вещи, а по марксистской своей наивности принялъ ее за «талантливое и мастерски написанное» повѣствованіе.

ніе о вчерашнемъ днѣ помѣщицѣй жизни, о развращенномъ господами старостѣ, который продаетъ своему молодому барчуку несчастную, нуждающуюся въ поросятахъ деревенскую женщину.*)

Если такъ, если мое предположеніе вѣрно, то дальше спорить дѣло явно излишнее : марксистскихъ точекъ зрѣнія изъ подъ бровей г-на Воронскаго не вывинтишь, живыхъ глазъ ему не вставишь ; его положеніе какъ критика окончательно безнадежно. До конца своихъ дней онъ вѣроятно будетъ считать, что у Есенина и вообще въ совѣтской литературѣ есть та «эмоціональная насыщенность и напряженность, та здоровая и жадная жажда жизни, та прочная, языческая тяга къ землѣ, къ полямъ, ко ржи, къ березѣ, къ черемухѣ» о которыхъ эмигрантскимъ писателямъ, а въ томъ числѣ и Бунину даже и мечтать не приходится. Поистинѣ надо быть окончательно слѣпымъ марксистомъ, чтобы не видѣть, что каждое слово приведенной цитаты въ гораздо большей степени характеризуетъ Бунина, чѣмъ Есенина ; что Бунинъ гораздо органичнѣе и глубже связанъ не только съ Россіей, но даже и съ русской деревней, чѣмъ внезапно сорвавшійся со своихъ родныхъ корней и этимъ срывомъ во многихъ отношеніяхъ сильно изуродованный, не лишенный истеріи и выверта Есенинъ. Тотъ очевидный фактъ, что Бунинъ связанъ съ прошлой, дворянской, а Есенинъ съ будущей, крестьянской Россіей, этого утвержденія отнюдь не колеблетъ. Во всякомъ случаѣ громадное наслѣдство, которое Бунинская Россія передаетъ Есенинской — несомнѣнный фактъ ; то же, что Есенинская приумножить это наслѣдство, пока только надежда.

Но не обрушиваются ли эти размышленія на мою собственную голову ? Если «Митина любовь» можетъ быть созвучной сегодняшнему и завтрашнему дню, не будучи ни эмоціонально, ни сюжетно связана съ духомъ нашей эпохи, со все заглушающей темой революціи, то на чемъ въ сущности держится мое убѣжденіе, что новая русская литература появится не въ эмиграціи, а въ Россіи, въ связи съ тамошнею новою жизнью, съ тамошнимъ порево-

*) «Когда они поднялись, она, перекрывая платокъ, поправляя волосы спросила оживленнымъ шопотомъ — ужъ какъ близкій человекъ, какъ любовница: Вы, говорятъ, въ Субботино ѣздили. Тамъ пощѣ дешево поросята продаетъ, правда?»

люціоннымъ бытомъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ, который мнѣ косвенно уже ставился въ эмигрантской прессѣ, представляется мнѣ не только весьма простымъ, но, я сказалъ бы, совершенно очевиднымъ.

Да, всякое, и большое и малое, лишь бы настоящее, подлинное искусство всегда занято вѣчными вопросами. Но разрѣшаетъ оно эти вопросы не отвлеченно, а конкретно, изображеніемъ конкретной жизни. Эта конкретность искусства и требуетъ отъ всякаго художника кровной связи со своимъ временемъ, со своимъ народомъ, съ вполне опредѣленнымъ укладомъ жизни. У Бунина эта связь налицо. Каждая его строчка есть кровь отъ крови и плоть отъ плоти е го Россіи. Оттого, быть можетъ, такъ и совершенно его искусство, что оно искусство уже совершившаго свой жизненный путь времени; оттого, быть можетъ, и такъ трепетно живо оно сейчасъ для насъ, что трепещетъ о томъ, что уже отошло; что все оно : шумъ послѣдней сосны свосму сведенному бору.

Только такую же связью со своимъ временемъ, со своею Россіей, какою сильно Бунинское творчество, можетъ стать сильнымъ и новое искусство. Будущая же Россія растеть сейчасъ конечно не въ эмиграціи, а въ Россіи; и въ ней, и съ ней, съ этою новою Россіей растеть сейчасъ и новое русское искусство. Въ атмосферѣ эмигрантскаго безбытничества, среди чужой природы и подъ звуки чужой рѣчи ему никогда не стать достойнымъ наслѣдникомъ великаго русскаго искусства. Какъ ни люби Россію молодой эмигрантскій писатель, здѣсь, за рубежомъ начинающій писать, какъ ни тоскуй по ней, ржаного поля онъ по Бунински все равно никогда не напишетъ: отъ его ржей всегда будетъ пахнуть не рожью, а эмигрантской тоской по ней; ржи пахнуть Богомъ и хлѣбомъ, а тоска польнью — это запахи разные.

Да простить мнѣ Иванъ Алексѣевичъ Бунинъ мой долгій разговоръ о немъ съ г-номъ Воронскимъ. Но разговоръ этотъ, право, не былъ защитою его творчества, а всего только выясненіемъ того, что изъ моего социологическаго прогноза о совѣтской будущности русскаго искусства отнюдь не вырастаетъ необходимость отрицать величайшее значеніе для современности того эмигрантскаго творчества, которое, всецѣло коренясь въ прошломъ, спасаетъ это прошлое для будущаго.

VII.

Заканчивая свою статью, совѣтскій критикъ упрекаетъ эмиграцію въ двухъ преступленіяхъ. Съ одной стороны, въ томъ, что при всей нашей ненависти мы очень «заигрываемъ» съ совѣтскими авторами и стремимся «перетянуть на свою сторону кого можно»; а съ другой въ томъ, что мы подвергаемъ ихъ «беззастѣнчивымъ кривотолкамъ» и безсовѣстнымъ извращеніямъ.

Какимъ образомъ оба эти преступленія сливаются въ одно — остается тайною совѣсти и логики г-на Воронскаго. По моему одно изъ двухъ: если мы дѣйствительно «пытаемся перетягивать совѣтскихъ писателей на свою сторону», дѣйствительно «заигрываемъ» съ ними, то мы, очевидно, не можемъ отталкивать ихъ отъ себя злостными кривотолками ихъ писаній; если же мы это дѣлаемъ, то мы, очевидно, при всемъ нашемъ интересѣ къ нимъ совершенно не заинтересованы въ перетягиваніи ихъ на свою сторону.

Такъ какъ въ первомъ преступленіи, т. е. въ чрезмѣрной ласковости къ совѣтскимъ писателямъ, г-нъ Воронскій обвиняетъ насъ голословно, съ полѣннымъ же пытается насъ поймать только какъ безсовѣстныхъ искажителей смысла совѣтскаго творчества, то мы и можемъ прямо перейти ко второму обвиненію.

Было бы, конечно, нетрудно опровергнуть его цѣлымъ рядомъ такихъ фактовъ, какъ перепечатки въ «Волѣ Россіи», «Дняхъ», «Своихъ Путияхъ» и Леонова, и Федина и ряда другихъ совѣтскихъ писателей совсѣмъ безъ всякихъ комментаріевъ съ одной только цѣлью ознакомить эмиграцію съ совѣтскою литературой, — но я этого дѣлать не буду. Въ финальныхъ замѣчаніяхъ «тонкой и чуткой» статьи совѣтскаго критика меня интересуеетъ только еще слѣдующее. Какъ думаетъ г-нъ Воронскій, — могутъ ли его обвиненія эмигрантскихъ литераторовъ въ беззастѣнчивыхъ кривотолкахъ и безсовѣстныхъ искаженіяхъ имѣть хотя бы какой нибудь объективный смыслъ и нравственный вѣсъ (не только для насъ, эмигрантовъ, но даже и для его подзащитныхъ), пока чтеніе «С о в р е м е н н ы х ъ З а п и с о к ъ» въ Россіи запрещено подъ страхомъ ссылки и тюрьмы, а чтеніе «Прожекторовъ» почти что обязательно. Если дѣло дѣйствительно обстоитъ такъ, какъ о томъ заявляетъ г-нъ Воронскій, если дѣйствительно

не только сила, но и правда на сторонѣ коммунистовъ, которые «перетягиваютъ на свою сторону все наиболѣе свѣжее», то почему бы имъ (коммунистамъ) не продемонстрировать силу своей правды прекращеніемъ п о л и ц е й с к о й борьбы съ нравственно разбитою и бездарною эмиграціей, почему бы имъ на дѣлѣ (вѣдь они любятъ называть себя людьми дѣла) не доказать намъ своего идейнаго превосходства; а въ частности почему бы г-ну Воронскому не перепечатать этой моей замѣтки у себя въ «Прожекторѣ» или «Красной Нови»?

Ф. Степунъ.